

РАЗДЕЛ I. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

УДК 1 (091)

DOI: 10.18384/2310-7227-2016-3-6-13

ВООБРАЖЕНИЕ КАК НАРУШИТЕЛЬ ГРАНИЦ

Виноградов А.И.

*Мурманский арктический государственный университет
183038, Мурманск, ул. Капитана Егорова, 15, Российская Федерация*

Аннотация. В статье воображение анализируется с точки зрения его трансцендентной природы, как выходящей за границы имманентного мира. Для этого используется методология, основанная на идее И. Канта о познании трансцендентной сущности посредством её проявления в имманентных явлениях. Рассматриваются конкретные виды реализации трансцендентного характера воображения через миф, религию, искусство и науку. Автор делает вывод о том, что трансцендентность воображения, с одной стороны, даёт человеку шанс на выход из-под тотального контроля имманентности, а с другой стороны, может порождать в нём конфликт между желанием действовать осторожно, но обоснованно, и стремлением совершить прорыв без гарантированного результата.

Ключевые слова: воображение, трансцендентное, имманентное, творчество.

IMAGINATION AS A VIOLATOR OF BOUNDARIES

A. Vinogradov

*Murmansk Arctic State University
15, Captain Yegorov street, Murmansk, 183038, Russian Federation*

Abstract. The article analyses imagination in terms of its transcendental nature stretching beyond the boundaries of the immanent world. It can be done by applying a methodology based on I. Kant's idea of understanding the transcendent essence through its manifestations in the immanent phenomena. The author considers specific implementations of the transcendent nature of imagination through myth, religion, art and science. It is concluded that, on the one hand, the transcendence of imagination gives humans a chance to escape from the total control of immanence and, on the other hand, it may provoke a conflict between a desire to proceed with caution and reason, and willingness to recklessly break through.

Key words: imagination, transcendent, immanent, creativity.

Заявленная в названии тема способна вызвать недоумение. Ведь в понятии «нарушитель границ» содержится очевидная негативная коннотация, и когда оно применяется в качестве характеристики воображения, то складывается впечатление, что последнее в чём-то обвиняется: тот, кто нарушает границу, нарушает закон. Он является преступником, и его за это нужно судить. Попробуем разобраться, виновно ли в чём-то воображение, чьи границы оно нарушает и нужно ли его за это наказывать.

Прежде всего, определимся с самим понятием воображения. В самом широком смысле под ним понимают способность человека воссоздавать в своём мышлении окружающую его действительность в виде образов. Такое воображение никогда не нарушает границу. Это репродуктивная деятельность, и обвинять её на первый взгляд просто не в чем. На роль обвиняемого может сгодиться только творческое воображение – именно потому, что оно способно создавать то, чего раньше не было, а значит, ломать привычные стереотипы, изменять действительность. Но и творческое воображение не всегда может быть обвинено в нарушении границ, а лишь при определённых условиях. Для понимания этого необходимо использовать две философские категории: «имманентное» и «трансцендентное». Под *имманентным* (от лат. *immanens* – «пребывающий внутри») мы понимаем то, что внутренне присуще природе тех явлений, с которыми мы имеем дело, как в материальной, так и в ментальной реальности, и что не имеет оснований в чём-то внешнем по отношению к ним. А под *трансцендентным* (от лат. *transcendens* –

«выходящий за пределы») – то, что имеет иную, внешнюю по отношению к этим явлениям природу, для объяснения которой необходимо выйти за границу имманентного.

Воображение (даже творческое) может не выходить за рамки имманентной действительности. В том случае, если воображение создаёт нечто новое, комбинируя элементы, присущие имманентной действительности, пользуясь при этом имманентной логикой, оно никуда не вторгается и ничего не нарушает. Возникающей при этом воображаемой картины, возможно, и нет в актуальной действительности, но она вполне вероятна. Она могла бы возникнуть в случае иного стечения обстоятельств, или она потенциально возможна в будущем. Но в случае, если эта новизна является следствием возникновения неприсущих имманентной действительности элементов или результатом применения такой логики, которая не может быть выведена из имманентных законов, – в таком случае, мы действительно имеем дело с «нарушителем границы», вину которого можно считать доказанной.

Ввиду краткости журнальной статьи остановимся только на трёх аспектах этой обширной темы. Во-первых, на методологии её рассмотрения, во-вторых, на конкретных проявлениях воображения в подобной роли, а в-третьих, на тех последствиях, которые в результате этого возникают.

Что касается первого вопроса, то необходимо отметить, что его решение диктуется особенностью самого предмета рассмотрения. Если бы речь шла об изучении воображения в первом, самом общем смысле слова, то мы могли бы смело использовать

инструментарий рациональной методологии. Такой инструментарий адекватен имманентной действительности, следовательно, он вполне подходит и для анализа такого вида воображения, которое не нарушает её границы. Но когда в рациональной методологии видят универсальную «отмычку» от всех «замков», то возникают серьёзные проблемы не только в восприятии действительности, но и в протекании социальных процессов. Многие социальные потрясения были вызваны именно тем, что представления об обществе и перспективах его развития ограничивались рационалистическими рамками. Мыслителям прошлого (особенно в течение предыдущих трёх веков) неоднократно казалось, что они ухватили рациональные законы общественного развития, и благодаря этому появилась возможность произвести соответствующие социальные преобразования.

Один из самых первых ярких примеров такого рода – деятельность французских просветителей. Их учения характеризовались отвержением трансцендентных представлений. Суд разума был для них высшей инстанцией в борьбе с мракобесием, порождённым религиозным воображением. Просветители на протяжении целого века пытались заставить людей поверить в безграничные возможности человеческого разума. Но воображение, основанное исключительно на разуме, порождает у человека опасные иллюзии в отношении своих возможностей. Пропадает масштаб для сравнения, и человек начинает переоценивать свои силы. Во Франции восемнадцатого века эта переоценка закончилась якобинской диктатурой. Таким образом,

ошибки в методологии познания на практике могут привести к многочисленным человеческим жертвам. Имманентизм воображения породил иллюзию, уж, по крайней мере, не менее опасную, чем его трансцендентность.

В свете сказанного то, о чём написано в начале статьи, приобретает прямо противоположный смысл. Оказывается, что невинное, на первый взгляд, воображение, функционирующее внутри пределов имманентной действительности, оказывается виновным именно в том, что оно не выходит за эти пределы и, тем самым, зажимает человека в тисках имманентной необходимости. Чтобы избежать этого, следует рассматривать наш предмет гораздо шире, включая в понятие воображения также и его трансцендентные проявления. А это, в свою очередь, потребует и адекватной предмету методологии, не замыкающейся исключительно на рациональной сфере.

Любопытно, что в том же восемнадцатом веке жил мыслитель, который осознавал всю сложность описанной методологической проблемы и нашёл свой вариант выхода из неё. Это Иммануил Кант. С одной стороны, он, во многом разделяя дух своей эпохи, стремился оставаться в рамках рационалистической методологии, а с другой стороны, видел опасность забвения трансцендентного и много размышлял над методологией его постижения и, мы сказали бы, реабилитации. Он говорит о том, что высшая сущность, которая в своей трансцендентности для нас недоступна, постулируется существующими в нас нравственными законами [2, с. 381]. В этой идее, на наш взгляд, и заключён главный методологический принцип

изучения трансцендентного. Подобная методология предполагает, во-первых, опосредованность изучения трансцендентного через его проявление в некоторых имманентных феноменах. Это вполне очевидно, потому что как таковое трансцендентное выходит за пределы всякого возможного опыта, значит, мы можем изучать лишь его косвенное проявление. Самое главное, во-вторых, для анализа следует брать те имманентные феномены, сущность которых не может быть выведена из самой имманентной реальности и для объяснения которых приходится предполагать существование чего-то, выходящего за её границы. Ситуация такова, что если мы не признаем трансцендентный исток этих феноменов, то мы вообще не сможем объяснить их природу. Именно так нравственность, оторванная от своей трансцендентной основы, по Канту, теряет всякий смысл.

Таким образом, мы подошли ко второму вопросу о конкретных проявлениях воображения в качестве нарушителя границ имманентного мира и попробуем, применяя кантовскую методологию, выявить эти проявления. Что это за феномены, помимо нравственности? Во-первых, все они связаны с человеком, с его деятельностью. Человек есть то существо, которое нарушает границу имманентного мира. Только он может прорубить в нём «окна в трансцендентное». Во-вторых, сущность этих феноменов заключается в том, что человек порождает их, совершая поступки не в соответствии с законами имманентной действительности, а в соответствии с принципиально иной логикой, принципиально иными мотивами,

ценностями или целями. Трансцендентное вторгается через человека во внерефлексивных и внетеоретических формах его духовного опыта, в тех областях, где оказывается бессильной рациональная деятельность.

Где искать этих нарушителей границ имманентного? Самая древняя сфера – это мифология. Не целиком. В ней есть элементы, явно порождённые рассудочной деятельностью, элементы, достаточно чётко согласующиеся со здравым смыслом, а, значит, они имеют вполне имманентное происхождение. Но есть моменты, которые невозможно объяснить с рациональной точки зрения, моменты глубоких прозрений, по поводу происхождения которых существуют самые невероятные гипотезы, наподобие передачи их от инопланетян. Так, по-иному очень трудно объяснить наличие у древних людей столь поразительных знаний, которые они ещё не могли получить с помощью методов науки, ввиду отсутствия последней.

Следующий нарушитель границы – это религия. Также не целиком. В ней, как это ни удивительно, довольно много имманентного. Например, теология представляет собой вполне рациональный вид деятельности, опирающийся на формальную логику и использующий целый ряд методов, характерных для науки. Трансцендентное же в религии прорывается в те моменты, когда человек отрешается от привычек и представлений, сформированных имманентной реальностью и погружается в восприятие мира иного. Его видят те, кто достиг просветления, отказавшись от благ этого мира, в медитативной практике или молитвенном экстазе. Их видят большие загадоч-

ные очи ликов с фаюмских портретов и древних икон. Когда официальная религия пытается это формализовать, узаконить в определённых фразах и ритуалах, то трансцендентное исчезает, имманентизируется, в нём пропадает его дух, его жизнь.

Рука об руку с религией в нарушении границ имманентного всегда шло искусство. Можно, например, вспомнить скульптуру Д. Бернини «Экстаз святой Терезы». В ней одновременно слились религиозное озарение и озарение художественного гения. Творческое вдохновение есть тайна, необъяснимая с позиций имманентизма. В целом анализ проявлений трансцендентного в творчестве очень подробно показал Н.А. Бердяев. Согласно ему, «акт творческой свободы трансцендентен по отношению к мировой данности» [1, с. 369].

Однако это были сферы, в которых мы принципиально готовы к встрече с чем-то нездешним. Самое удивительное, что мы можем обнаружить проявление трансцендентного в некоторых неожиданных сферах. Например, в научной деятельности. С одной стороны, наука по самому своему существу направлена на изучение имманентного мира. Она должна раскрыть присущие ему исключительно «посюсторонние» закономерности. Но некоторые моменты в том способе, которым она это делает, могут характеризоваться трансцендентными чертами. Всем, кто занимается научной деятельностью, хорошо известны состояния, при которых возникали вспышки интуитивных озарений. Такие вспышки, как правило, появляются на фоне утомления от длительной рациональной деятельности, и они необъяснимы с точки

зрения логики самой изучаемой реальности.

Исследователи данной проблемы отмечают, что рациональность, на которую целиком уповаает имманентизм, загоняет науку в слишком узкие рамки, не позволяющие ей нормально развиваться. Современное решение этого вопроса предполагает обращение к гораздо более широкому спектру средств и приёмов познавательной деятельности, в том числе к художественному воображению, не отличающемуся щепетильностью в соблюдении границ имманентного: «неполнота рационального знания о мире сможет в определённой степени компенсироваться многообразием дополнительных языков описания, включённых в процесс познания, одним из которых является художественный» [3, с. 67].

Даже в самых фундаментальных научных понятиях, призванных описывать имманентную реальность, на проверку выявляются «следы трансцендентности». Достаточно задаться вопросом о том, что есть научный факт. На этот вопрос, как известно, особенно настойчиво пытались ответить представители всех вариантов позитивизма. Их стремление заключалось в том, чтобы представить факт в чистом виде, избавленным от всякой метафизичности. Но этого в полном объёме так и не удалось сделать. Будучи всегда лишь интерпретацией действительности, любой факт содержит в себе элементы непознанного, а возможно, и непознаваемого. В свете сказанного вполне резонным выглядит широко распространённое сейчас мнение о том, что наука опирается на метафизику, как на своё предельное основание. Значит, и здесь трансцендентное втор-

гается в область имманентного, проявляя себя как нарушитель границы.

В связи с этим возникает естественный вопрос: к чему приводят названные и подобные им нарушения? Что они дают человеку? Прежде всего, следует отметить, что проявления трансцендентного выглядят нарушителями лишь с точки зрения имманентной реальности. Мы бы сказали, что в самом обобщённом виде проникновение трансцендентного в имманентное даёт человеку шанс. Оно вторгается в тоталитарное царство имманентизма и, если и не изменяет его, то хотя бы озаряет его мечтой о принципиально другой реальности. Оно зовёт человека выйти из рабства материальным обстоятельствам, к свободе духа.

Между тем закончить рассмотрение последствий интервенции трансцендентного в область имманентного на этом пафосном (но от этого не теряющем истинности) заявлении было бы явным упрощением проблемы. Рассматриваемый процесс таит в себе целый ряд проблем.

Во-первых, надо сказать, что он порождает в человеке внутренний конфликт. Суть этого конфликта отражена в известной поговорке о том, что предпочесть: синицу в руках или журавля в небе. Мечты, порождаемые трансцендентным воображением, очаровывают. Но поскольку человек находится в условиях материальной действительности, он нуждается в обеспечении имманентных условий своей жизни. Только мечтой жить нельзя. Рано или поздно человек сталкивается с суровой реальностью, что становится источником конфликта, приобретающего, в зависимости от конкретной ситуации, либо героический, либо трагический характер.

Выбор делается где-то между двумя крайними альтернативами. С одной стороны – полное избавление от материальной действительности, презрение к ней и уход в нирвану. С другой стороны – подчинение своей жизни чисто телесным потребностям, забвение мечты, замыкание на животном существовании. Выбор идти за мечтой, разрушающей привычный мир, или забыть о ней сделать крайне трудно. Неудивительно, что часть людей всю жизнь колеблется в своём выборе, не в силах предпочесть ничего определённого.

Во-вторых, в этом процессе заложено и великое искушение для человека. Ведь никто не может поручиться, что стремление к идеалу, манящему к себе картинками прекрасного будущего, не обернётся для увлечённых им людей полным крахом. Конструктивна в своей основе пленяющая их мечта или деструктивна, заранее никто не знает. Следование за трансцендентным идеалом – это задача со всеми неизвестными. Заманит ли такой идеал глубже в лесную чащу, или выведет на широкий простор, в начале пути не определить.

Что же тогда? Может быть, действительно, наилучший вариант – отказаться от подобной мечты. Ведь она ведёт в какую-то подозрительную, «потустороннюю» реальность, где перестают действовать знакомые имманентные законы и правила? Без неё живётся как-то проще и понятнее. В современном нам мире эта проблема часто именно так решается: если нет возможности составить рационально обоснованное представление о чём-то, то чаще всего делают вид, что этого чего-то просто не существует. Результаты применения подобного подхода

всем как раз очевидны: повсеместное забвение высших ценностей и идеалов на основании того, что они не выдерживают проверки на эмпирическую достоверность. На первый план в мотивации людей сплошь и рядом выходят материальная выгода и прибыль. Изгнав трансцендентное воображение за нарушение им границ имманентного, мы рискуем получить довольно примитивный мир, в котором будет, по крайней мере, неинтересно жить.

Но человек, независимо от того, хочет он или нет, всегда находится на границе, пролегающей между трансцендентным и имманентным воображением, он всегда пребывает в состоянии очень сложного выбора. Иначе речь идёт не о человеке, а либо о высшем существе, которому скучны человеческие метания, либо о животном, которое равнодушно к возвышенным порывам души.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бердяев Н.А. Смысл творчества / Философия свободы. М.: Правда, 1989. С. 252-580.
2. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.
3. Песоцкий В.А. Философия и художественная литература: философема в структуре философского знания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 1. С. 66–77.

REFERENCES:

1. Berdyaev N.A. Smysl tvorchestva [The Meaning of Creativity] / Filosofiya svobody / [The Philosophy of Freedom]. M., Pravda, 1989. Pp. 252-580.
2. Kant I. Kritika chistogo razuma [The Critique of Pure Reason]. M., Mysl', 1994. 591 p.
3. Pesotskii V.A. Filosofiya i khudozhestvennaya literatura: filosofema v strukture filosofskogo znaniya [Philosophy and Fiction: Philosopheme in the Structure of Philosophical Knowledge] // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophy. 2016. No 1. Pp. 66–77.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Виноградов Андрей Иванович – доктор философских наук, доцент, директор Социально-гуманитарного института Мурманского арктического государственного университета;

e-mail: andvinogradov00@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey Ivanovich Vinogradov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, the Director of Social Sciences and Humanities Institute of Murmansk Arctic State University;

e-mail: andvinogradov00@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Виноградов А.И. Воображение как нарушитель границ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. №3. С. 6–13.

DOI: 10.18384/2310-7227-2016-3-6-13

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A.I. Vinogradov Imagination as a Violator of Boundaries // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophy. 2016. №3. P. 6–13.

DOI: 10.18384/2310-7227-2016-3-6-13